

Глава 5

— Ик!

Цзян Юаньмяо, стараясь есть сдержанно, всё же умудрился наесться до отвала.

Цзян Чэньчжоу провёл рукой по круглому животу сына и с бессильной улыбкой покачал головой. С самого рождения мальчик не чувствовал вкуса и с трудом глотал, так что каждый приём пищи напоминал пытку с лекарством. Кто бы мог подумать, что, обретя вкус, ребёнок превратится в маленького обжору.

Цзян Юаньмяо залился румянцем. Он правда не хотел так наедаться, но суп из свиных рёбрышек был настолько восхитительным, что он просто не мог остановиться.

— Папа, прости.

— Не нужно извиняться. Хороший аппетит — это счастье. Когда ты много ешь, папа только радуется.

Услышав это, Цзян Юаньмяо снова расплылся в улыбке и, склонив голову набок, спросил:

— Папа, а можно мне пойти погулять?

Он уже не в первый раз просил об этом. Вынужденный с самого детства жить в тесной комнатке, он постоянно рвался наружу.

Цзян Чэньчжоу, как и всегда, отказал:

— Подожди ещё немного. Вот когда папа тебя вылечит, мы обязательно пойдём гулять, хорошо?

— Ну ладно, — хоть Цзян Юаньмяо и был разочарован, он не стал капризничать и кататься по полу. Он знал, что папа запрещает ему выходить только ради его же блага. Возможно, стоило ему оказаться на улице, как его тут же схватили бы, как в тот раз.

Цзян Чэньчжоу взъерошил поникшую макушку сына.

— Давай поиграем в мяч, хорошо? Немного подвигаться полезно для пищеварения.

— Давай, давай!

При слове «мяч» Цзян Юаньмяо тут же оживился и, подбежав к дивану, вытащил из-под него коробку с игрушками.

Когда их нашли плохие люди, он думал, что все его вещи пропали, и очень расстроился. Но потом папа куда-то ушёл и вернулся уже с этой коробкой. Цзян Юаньмяо провёл по ней рукой. Это была та самая коробка с его мячиками-жмяками, не новая!

— Папа, лови! — крикнул он, схватив мячик и бросив его вперёд.

«А-а-а-а!» — беззвучно взвыл мячик.

Цзян Чэньчжоу поймал его. Сила броска была такова, что ему пришлось отступить на два шага, чтобы устоять на ногах. Он уже привык к этому и мягко бросил мячик обратно.

Мячик летел точно в правую руку мальчика — тому достаточно было лишь протянуть её. Но Цзян Юаньмяо с громким смехом почему-то бросился влево.

— Поймал! — радостно закричал он. — Готовься, я бросаю!

Мячик-жмяк обливался слезами. Одному небу было известно, каких усилий ему стоило, кувыркаясь в воздухе, меняя траекторию, замирая и совершая разворот на триста шестьдесят градусов, на пределе своих возможностей вложить себя в ладошку ребёнка, ловившего его наугад.

На этот раз бросок был совсем лёгким, и Цзян Чэньчжоу пришлось сделать два шага вперёд, чтобы поймать мяч. Он намеренно топнул погромче, чем вызвал у сына восторженный визг.

Комнату наполнил залиvistый детский смех.

Цзян Юаньмяо играл от души, и мокрые прядки волос прилипли к его лбу.

— Может, немного отдохнём? — предложил Цзян Чэньчжоу, вытирая ему пот.

— Ладно, — с неохотой согласился Цзян Юаньмяо и, усевшись на пол, принялся пересчитывать свои мячики.

«Семейные игры полезны для души и тела. Пока я рядом, у папы-злодея нет шансов окончательно скатиться во тьму», — Цзян Юаньмяо считал себя отличным компаньоном для игр и самодовольно покачивался из стороны в сторону.

Пересчитав мячики один раз, он нахмурился и принялся считать снова.

— Папа, одного не хватает. Ты видел мой мячик?

Цзян Чэньчжоу замер, его губы сжались в тонкую линию.

Шлёп. С потолка, дрожа всем своим естеством, упал мячик. В его боку виднелась дыра, которую Цзян Юаньмяо случайно проковырял, и из неё зловеще клубилась чёрная дымка.

Цзян Чэньчжоу поднял мячик, скатал его в шарик и вложил в ладонь сына.

— Вот он.

— Теперь правильно, — удовлетворённо кивнул Цзян Юаньмяо. — Семья должна быть в полном составе.

Сказав это, он зевнул. Игра отняла все силы, и стоило ему остановиться, как веки тут же начали слипаться.

Цзян Чэньчжоу поднял сына на руки, осторожно уложил в постель и вложил в его объятия плюшевого мишку.

— Устал — поспи немного.

Цзян Юаньмяо что-то неразборчиво пробормотал и тут же крепко заснул.

Дождавшись, когда сон сына станет глубоким, Цзян Чэньчжоу откинул одеяло и приподнял его рубашку. Как он и думал, колени были в синяках, да и на теле виднелись следы ушибов.

Осозание вернулось к нему первым, но не полностью. С виду Цзян Юаньмяо казался обычным ребёнком, но на самом деле он не всегда мог хорошо контролировать своё тело. Только что он врезался в стол и стулья, но даже не заметил этого, думая, что всё прошло «гладко». Цзян Юаньмяо чувствовал боль, только когда осознавал, что поранился. Но если он не замечал ушиба, его тело и мозг просто игнорировали повреждения.

Цзян Чэньчжоу наносил мазь, и его сердце сжималось от боли.

Сыну уже исполнилось три года — возраст, когда дети идут в детский сад. Чем старше он становился, тем чаще просился на улицу. Его ребёнок не должен вечно сидеть в четырёх стенах, глядя в бесконечную тьму.

Но в нынешней ситуации Цзян Чэньчжоу не мог вывести сына из дома. Его взгляд помрачнел. Возможно, стоит поторопиться. Несколько лишних смертей ничего не значат.

— Присмотри за ним, — обратился он к плюшевому мишке.

Игрушка безмолвно кивнула.

Укрыв сына одеялом, Цзян Чэньчжоу вышел из комнаты.

— Гав-гав-гав!

Двери лифта едва успели приоткрыться, как изнутри донёлся пронзительный лай.

Женщина в домашней одежде спешно натянула поводок.

— Простите, простите, мой Пидань обычно очень спокойный, он не кусается. Пидань, замолчи!
— она зажала пасть хаски и, подняв глаза, замерла, увидев мужчину. Её щёки вспыхнули. — Э-э... вы живёте на шестнадцатом этаже? Недавно переехали?

Её взгляд невольно задержался на его красивом лице. На скуле темнел синяк, словно от сильного удара.

Цзян Чэньчжоу бросил мимолётный взгляд на собаку. Хаски заскулил, поджал хвост и ткнулся мордой в хозяйку. Женщине стало ещё неловчее, и она попыталась вытащить его.

— Вы воспитательница в детском саду? — внезапно спросил Цзян Чэньчжоу.

Женщина инстинктивно коснулась кармана, из которого выглядывал уголок бейджа.

— Да, в «Красном солнышке», прямо напротив нашего дома.

— Моему сыну в этом году исполнилось три. Он может записаться?

— Если у ребёнка местная прописка, то да. Но набор в этом году уже закончился, теперь только в следующем.

Цзян Чэньчжоу кивнул и быстро вышел из лифта.

— Гав-гав-гав-гав-гав!

Едва он отошёл, хаски снова залаял ему в спину, пытаясь вырваться.

— Да замолчи ты уже, — женщина дёрнула поводок и шлёпнула пса по голове. — Что тебе этот красавчик сделал? Будешь так себя вести, на нас пожалуются, и мне придётся отправить тебя к бабушке в деревню.

Она с сожалением посмотрела вслед мужчине. Такой молодой и красивый, а уже с ребёнком. Не судьба.

«Ах, забыла предупредить его, что поблизости какой-то урод пугает детей. Двое уже с температурой в больнице лежат. Надеюсь, его сыну повезёт».

Подумав, женщина решила сообщить об этом в управляющую компанию, чтобы они передали предупреждение.

Цзян Юаньмяо, сытый и довольный, спал, тихо посапывая.

Когда он проснулся, в квартире было тихо.

— Папа? — пробормотал он, протирая глаза.

Ответа не было.

Цзян Юаньмяо надул губы и подёргал мишку за ухо.

— Папа ушёл на охоту?

Плюшевая игрушка, разумеется, не ответила.

Цзян Юаньмяо знал: когда он спит, папа уходит. Уходит на охоту, чтобы добывать гуй-предметы и лечить его глаза. Послушный малыш не должен мешать.

Он неторопливо оделся, сам слез с кровати и, потрогав уже опавший животик, направился на кухню.

Шлёп.

На пороге кухни его остановил плюшевый мишка.

Цзян Юаньмяо упёр руки в бока.

— Я голоден, хочу есть.

Мишка запрыгнул ему на руку и потянул в сторону обеденного стола.

Цзян Юаньмяо был не очень доволен. Он хотел горячего супа из рёбрышек, а не сухого печенья. Разве печенье может сравниться с мясом?

— Ладно, ладно, ну и домоправитель, — недовольно пробормотал он, направляясь в столовую.

На столе, как и ожидалось, стояла большая тарелка с печеньем, которую Цзян Чэньчжоу оставил перед уходом, чтобы сын не проголодался.

Цзян Юаньмяо схватил одно и сунул в рот. Хрустящее, ароматное, вкусное.

Но не такое вкусное, как мясо. Стейк, бараньи рёбрышки, а лучше всего — рыба и креветки. Всё, что готовил папа, было невероятно вкусным и нравилось ему гораздо больше печенья. При мысли о еде он сглотнул несуществующую слюну.

Дзынь-дзынь.

Когда раздался звонок в дверь, Цзян Юаньмяо как раз заплетал плюшевому мишке косички.

Костяшки пальцев глухо ударили в дверь.

Цзян Юаньмяо подбежал к ней.

— Папа?

— Да, малыш, это папа вернулся. Хороший мальчик, открой дверь, — донёсся снаружи привычный, мягкий голос Цзян Чэньчжоу.

Цзян Юаньмяо склонил голову набок.

«Хм-м... это плохой человек».

Папа никогда не стучит и не звонит в дверь. И уж тем более не просит его открыть.

— Тук-тук-тук. Хороший мальчик, папа так проголодался, открой скорее.

Датчик движения над дверью не сработал. В темноте на полу тянулся извилистый кровавый след.

Стеклянные глаза плюшевого мишки вспыхнули красным. Он был в ярости. Снаружи несло запахом гниющей плоти. Какой-то гуй-предмет осмелился хозяйничать на его территории и заманивать маленького хозяина. Если тот по глупости откроет дверь и пострадает, что ему тогда делать? Большой Демон, вернувшись, непременно выместит на нём злость и разорвёт на тысячу кусочков.

Плюшевый мишка раздулся, превратившись в огромную, метровую игрушку, и зашагал к двери. Он собирался сожрать этого идиота.

Внезапно мишка остановился.

Опустив голову, он увидел, что Цзян Юаньмяо держит его за лапу. Мишка вопросительно склонил голову.

Цзян Юаньмяо приложил палец к губам.

— Мишка, давай поиграем. Папа, а где твой ключ?

— Папа случайно его потерял. Малыш, открой скорее дверь, — из-за воротника мужчины в костюме показались тёмно-синие щупальца.

— А если я открою, ты будешь со мной играть?

— Конечно, папа будет играть с тобой всегда-всегда...

Гуй за дверью растянул губы в жестокой улыбке. Как только ребёнок откроет дверь, он ворвётся внутрь и будет пугать его, пока тот не станет в слезах молить о пощаде, звать на помощь папу. А когда ему надоест, он одним махом проглотит его душу.

Скрип. Дверь открылась.

Улыбка гуй становилась всё шире, обнажая острые, зловещие зубы.

Цзян Юаньмяо поднял голову и широко улыбнулся.

— Тогда договорились, ты будешь со мной играть.

За его спиной возвышалась громадная фигура. С добродушной, но свирепой мордой, она отбрасывала на гуй у двери густую тень.

Гуй понял, что дело плохо, и развернулся, чтобы бежать, но было уже слишком поздно.

<http://bllate.org/book/13420/1194691>